

ОТДѢЛЪ I.

Нечистая сила въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(По даннымъ Смоленской гув.).

Лѣшіи (Честной лѣса).

— „Заблудились, — лѣсовой насъ водилъ!“

— „А какой онъ съ виду?“

— „Водилъ-то онъ насъ, водилъ, да не приказалъ намъ говорить о себѣ ничего“.

Но нынѣ сообщаютъ кое-что, хотя и неохотно, о наружности лѣшаго, объ его продѣлкахъ и образѣ жизни; наблюденія заблудившихся путниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи носятъ различный характеръ.

Лѣшіе въ Порѣчскомъ уѣздѣ, по воззрѣніямъ мѣстныхъ крестьянъ, имѣютъ видъ людей здоровыхъ и мужественныхъ.

Ростомъ лѣшіе бывають съ лѣсѣ, а силу имѣють необыкновенную.

Начальникъ лѣшихъ называется „Честной лѣса“, лѣсной царь; роста онъ огромнаго, на цѣлую голову выше лѣса, надъ которымъ онъ владичествуетъ, на рукахъ и ногахъ у него закрюченные когти, похожіе на собачьи; борода у него длинная свѣзая, носитъ онъ еѣ въ рукахъ.

Нѣкоторые видѣли лѣснаго царя съ бѣлой, длинной бородой, какъ сидитъ онъ спокойно въ лѣсу и громко посвистываетъ, иной разъ онъ, при свѣтѣ луны, плететь лапти.

Могучъ и страшенъ „Честной лѣса“, и волю его слѣпо исполняютъ лѣшіе, начальники отдѣльныхъ частей лѣса. И царь лѣсной и подчиненные ему лѣшіе, однако, не имѣють власти за предѣлами своего лѣса.

Полагаютъ также, что лѣшій имѣетъ видъ человѣка съ бѣлыми выпуклыми глазами; выраженіе лица у лѣшаго такое, какое бываетъ у сильно испуганнаго человѣка, когда онъ, по народному выраженію, „тарашитъ свои бѣлмы“.

А то лѣсовиѣзъ является людямъ въ видѣ обыкновеннаго сѣденькаго старичка, въ бѣлой одеждѣ; его можно узнать по тому, какъ онъ быстро растеть, удаляясь отъ человѣка, и дѣлается огромнымъ великаномъ.

Лѣшій—оборотень: существенная его черта—что онъ измѣняется въ ростѣ и принимаетъ различные образы: въ лѣсу лѣшій идетъ—онъ съ лѣсомъ равенъ, на дугу или въ полѣ идетъ—онъ съ травой и былинкой равенъ. А иногда онъ прячется подъ былинку, цвѣтокъ или листовъ дерева; въ лѣсу лѣшій прячется въ дупло и подъ корнями вывороченныхъ бурей деревьевъ; вообще лѣшій примѣняется къ средѣ, его окружающей: является лѣшій и старичкомъ, и красной дѣвушкой, и красивымъ мужчиной, и звѣремъ, и птичкой, и увлекаетъ путниковъ за собой въ непроходимую чащу лѣса, изъ которой трудно выбраться.

Онъ гогочетъ, кричитъ дикимъ голосомъ, хлопаетъ внотомъ; иногда, не показываясь изъ чащи, зоветъ прохожаго по имени знакомымъ голосомъ; прохожій свертываетъ съ дороги и идетъ на голосъ, который удаляется все дальше и дальше въ глубь лѣса, пока не заведетъ его въ глушь—чащу непроходимую.

По народному мнѣнію, есть такіа проклятыя мѣста, гдѣ непремѣнно человѣкъ блудитъ.

Иногда трудно бываетъ отойти отъ вывороти¹⁾, отъ срубленнаго дерева. Ходишь, ходишь и все возвращаешься на проклятое мѣсто: къ какой-нибудь кочкѣ или вывороти, излюбленному мѣстопребыванію или логову лѣшаго. И мѣста-то, кажется, все знакомыя—какъ тутъ заблудишься? Одинъ крестьянинъ не могъ отойти отъ вяза, пока не бросилъ срубленнаго имъ сука. „Видно, это дерево очень любилъ лѣшій“, рѣшилъ онъ.

Что же слѣдуетъ предпринимать, когда заблудишься, когда обойдетъ тебя лѣшій, или ты самъ попадешь на его логово и, вообще, озлѣить тебя, одурманить нечистая сила?

А поступай такъ, какъ совѣтуютъ старички и старушки.

Переодѣнь что-нибудь изъ одежды вверхъ изнанкой, разуй лѣвую ногу и обуй правую, поверни свою шапку на изнанку

¹⁾ Сваленное бурей и вывороченное съ корнями дерево.

кверху или поверни ее козырькомъ назадъ; прочти, если знаешь, воскресную молитву три раза; вспомни, что наканунѣ Нового года варятъ свиную голову—этими средствами ты не дашь подшутить надъ собой лѣшему, который водить человѣка на самомъ краю лѣса и не даетъ ему узнать, въ какомъ онъ мѣсту вышелъ подлѣ селенія. А сердится на тебя придирчивый лѣшій за то, что случайно ты перешелъ его любимую тропу. Впрочемъ, иногда лѣшіе сбиваютъ съ пути тѣхъ, которые отправляются въ лѣсъ, не благословясь, т. е. не помолясь Богу; они также уводятъ дѣтей, оскорбившихъ мать и провлятыхъ ею въ полдень. Лѣсовые уносятъ по преимуществу мальчиковъ, лѣсовики дѣвочекъ. Женщинъ лѣшіе уводятъ, больше строптивыхъ и плохо живущихъ съ мужьями.

Что же дѣлается со взрослыми и дѣтьми, похищенными лѣсовыми и лѣсовиками?

Плѣненные лѣшимъ становятся невидимкою и странствуютъ съ лѣшимъ. Лѣсовой кормить ихъ губашечкой или труташечкой, пить луговой водой.

А добрый лѣсовикъ кормитъ плѣнныхъ баранками, орѣхами, пряниками, только даетъ въ мѣру, очень не балуетъ. По мнѣнію народа, что хозяинъ забудетъ или положить небрежно, то лѣсовой утащитъ—вотъ откуда у лѣсового берутся баранки и пряники, и пища человѣческая. Пряники лѣсового, принесенные въ обитаемое жилище, становятся труташками и листьями.

Лѣсовой водить свою жертву не только лѣсами и полями, но по городамъ и селеніямъ, по мѣстамъ хорошо извѣстнымъ заблудившемуся. Драматизмъ положенія сбившихся съ дороги и водимыхъ лѣшимъ заключается въ томъ, что они бываютъ близко около родныхъ, видятъ ихъ лица, слышатъ ихъ разговоры, бываютъ свидѣтелями безсильной скорби; заблудившіеся сами проливаютъ незримыя слезы и ноги у нихъ подкашиваются отъ сердечнаго горя. А между тѣмъ лѣсовой не позволяетъ несчастнымъ открыться роднѣ, высказаться, хоть словечко промолвить, а развѣ только, и то въ добрую минуту, пройти около родныхъ, и „тирнуться краемъ одежды“.

Жизнь похищеннаго лѣсовымъ—соверзательная. Кормитъ лѣсовой не часто, но зато дѣлаетъ невидимку свидѣтелемъ различныхъ житейскихъ сценъ-положеній, и при видѣ всего этого, въ поученіе заблудившемуся, лѣсовой дѣлаетъ свои выводы и поученія. Понятія у лѣсового такия, какъ у степеннаго-домовитаго мужика. Вотъ нѣкоторые взгляды изъ этого домостроя.

По мнѣнію лѣсового, послѣ ужина слѣдуетъ молиться; ложиться спать надо, перекрестясь, и дѣтей на ночь надо перекрестить; слѣдуетъ быть аккуратнымъ и чистооплотнымъ и хозяину, и хозяйкѣ. Муку для хлѣба надо просѣвать, съ хлѣбомъ рекомендуется обходиться бережно и съ особымъ почтениемъ: утворяя хлѣбъ, не мѣшаетъ процѣдить воду; хлѣбъ слѣдуетъ класть на столъ—отнюдь не на лавкѣ. Рекомендуется въ закромахъ накрывать зерно покрывкой, чтобы оно не запылилось. Если пища изготовлена вкусно и опрятно, лѣсовой, пожалуй, отвѣдаетъ ее, отъ плохой пищи онъ отвернется, скривить свою морду—и уйдетъ.

Натура лѣсовика широкая и веселая, русская. Ему нравится веселый разгулъ ярмарки: гдѣ лѣсовой пройдетъ, тамъ живѣе торгъ идетъ, купцы наперебой сбываютъ товары, отъ задора дерутся даже—ради шутки лѣсовой сводить ихъ на драву.

Лѣсовой иногда принимаетъ близкое и непосредственное участіе въ скорбяхъ человѣка—онъ убаюкиваетъ больного ребенка, чтобы успокоить бодрствующую надъ нимъ мать и дать ей пріотдохнуть. Лѣсовой предвидитъ будущее, и напередъ судьба человѣка ему извѣстна; иной разъ онъ является въ роли предсказателя.

Долго, долго водитъ лѣсовой; иногда лѣтъ семь. И если онъ увелъ вслѣдствіе проклятія, то тогда только возвращаетъ ребенка родителямъ, какъ окончится срокъ проклятія и при извѣстныхъ характерныхъ обстоятельствахъ. Разъ въ полдень мать провляла дочь; черезъ это проклятіе дочь ея сдѣлалась невидимкой и семь лѣтъ странствовала съ лѣшимъ. Мать, между тѣмъ, усердно молилась Богу о возвращеніи дочери и клала относы¹⁾ лѣсовымъ. Родители уже совсѣмъ потеряли надежду найти дочь. Разъ они были въ кабакѣ. Отецъ предлагалъ матери выпить стаканъ водки, а она все отказывалась и съ сердца выплеснула водку черезъ плечо—прямо въ глаза своей дочери, которая невидимо была въ кабакѣ и терлась вмѣстѣ съ лѣшимъ подлѣ своихъ родителей. Тотчасъ-же дочь перестала быть невидимкой и появилась предъ глазами удивленныхъ и обрадованныхъ родителей.

Возвращенію лѣсовыми уведенныхъ ими жертвъ способствуютъ относы. Относы кладутся на перекресткахъ дорогъ, гдѣ собираются лѣшіе. Относомъ можетъ служить кусокъ сала, горшокъ съ кашей, хлѣбъ съ солью, а то бабы напекутъ блиновъ или

¹⁾ Объ относахъ см. далѣе.

пироговъ, завернуть эту снѣдь съ солью въ чистую тряпочку, перевяжутъ красной ниточкой, отнесутъ все это въ лѣсъ и положить на перекрестѣхъ лѣсныхъ дорогъ. Бабы, предлагая гостинецъ лѣсному царю, кланяются на всѣ четыре стороны, не крестясь, и говорятъ: „Честной лѣса, просимъ тебя: нашу хлѣбъ-соль прими, а нашего родного возврати“. Вѣрятъ, что послѣ этого относа лѣшіе перестаютъ водить заблудившагося. По мнѣнію крестьянъ села Даниловичъ, ельнинскаго уѣзда, освобождаются дѣти, уведенныя лѣшимъ, отъ дьявольскаго плѣненія, если не вкусятъ дьявольской пищи. Когда за унесеннаго младенца служатъ молебны, то бѣсы мучатъ его щиплютъ, „щекотать“, всячески тиранятъ и кормятъ углями и землей.

Унесенныя лѣшими дѣти, послѣ возвращенія, съ трудомъ привыкаютъ говорить и дичатся общества. Лѣшіе сами выносятъ ихъ и бросаютъ на то мѣсто, откуда взяли. Придя въ сознаніе, дѣти рассказываютъ, что, во время плѣненія молебновъ, они были или въ лѣсу на деревьяхъ, или въ селеніи на крышѣ избы своего родственника. Возвращаются отъ лѣсоваго уведенныя имъ жертвы блѣдныя, худыя, съ лицомъ, поросшимъ мохомъ, въ одеждѣ, напоминающей „трипятиння или перяпирь березы“. Если блудившіе хвораютъ какими-либо болѣзнями отъ голода, утомленія или страха, то родные для ихъ выздоровленія кладутъ относы въ томъ лѣсу, гдѣ они блудили. Часто пребываніе у лѣсоваго владеть особенный отпечатокъ: бывшіе у него отличаются особенною сосредоточенностью и серьезностью, и съ важностью передаютъ то, что видѣли и слышали. Многіе, наслышавшись отъ лѣсоваго всякой премудрости, становятся знахарями и знахарками и поддерживаютъ сношенія съ лѣсовыми, домовыми и всякой нечистою силой. Дѣвушки, жившія у лѣсовики, называются лѣсными дѣвками; по выходѣ замужъ, онѣ теряютъ свое знаніе и связь съ міромъ сверхъестественнымъ.

Лѣсовые запрещаютъ вернувшимся отъ нихъ рассказывать кое-что: напр., о своей наружности, о своемъ житѣй-бытѣй. Въ этомъ отношеніи ихъ рассказы напоминаютъ видѣнія обмиравшихъ. И обмиравшіе, и водимые лѣсовиками, рассказавъ многое, при этомъ прибавляютъ: „а одно слово мнѣ не приказано говорить“. Любопытство сильно подстрекается умолчаніемъ.

„Ну, скажи, скажи!“

— „Умру, не скажу. Ни за что въ свѣтѣ не скажу“.—

Какъ обмиравшіе, такъ и уведенныя лѣсовыми получаютъ иногда предсказанія относительно своей судьбы и судьбы близкихъ. Пропадавшій дровосѣкъ рассказывалъ подробно, какъ его

незнакомый старикъ завелъ въ непроходимый лѣсъ и все это время водилъ по лѣсу, показывая ему два колодца: въ одномъ были все змѣи, а въ другомъ вмѣсто воды кровь; предсказалъ, что онъ будетъ служить въ солдатахъ, а сегодняшнюю ночь привелъ его опять къ тому дереву, гдѣ былъ воткнуть топоръ. На вопросъ, чѣмъ онъ питался все это время, крестьянинъ отвѣчалъ, что старикъ кормилъ его хлѣбомъ, который еще и теперь лежитъ у него за пазухой; но когда сталъ вынимать его, тотчасъ вмѣсто хлѣба оказались гнилушки и мохъ. Черезъ десять лѣтъ крестьянинъ умеръ, а жена его и двое дѣтей живы и теперь.

Сверхъестественныя знанія и богатство получаютъ отъ лѣсового тѣ, кто окажетъ какую-либо услугу его дѣтямъ, прикроетъ ихъ, найдя въ лѣсу нагими. Всѣмъ присуще вѣрованіе, что у лѣсовыхъ есть дѣти, а нѣкоторые видѣли ихъ: лежать они, голенькія, въ люлькахъ, привѣшенныхъ къ вѣтвямъ ели или сосны. Если увидишь такого ребенка, нужно что-нибудь съ себя снять, покрыть ребенка и нести. Явится женщина, которая будетъ убиваться, упрашивать отдать ей ребенка, обѣщая за него исполненія какого угодно, но только одного желанія. Сейчасъ вамъ и разскажутъ примѣръ, что, дѣйствительно, такой человѣкъ разбогатѣлъ, благодаря ребенку, найденному въ лѣсу, а такой получилъ чудесное знаніе или сдѣлался знахаремъ. Въ ельнинскомъ уѣздѣ, смоленской губерніи, арнищевской волости, деревни Блашевицахъ есть такое повѣрье: кто увидитъ лѣсовиху во время родовъ, тотъ долженъ что-нибудь набросить, не крестясь и не читая молитвы, на ея родившагося ребенка и тотчасъ же уйти. Лѣсовиха пойдетъ за этимъ человѣкомъ и все будетъ спрашивать, что ему нужно: денегъ или хорошей жизни. Кто попроситъ у ней денегъ, то она сейчасъ же насыплетъ ему цѣлый приполокъ денегъ, которыя, при выходѣ изъ лѣса, обращаются въ уголья. Но кто будетъ говорить, что ему ничего не нужно, тотъ всю жизнь будетъ пользоваться успѣхомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Поэтому народъ говоритъ про того, кто живетъ въ довольствѣ, что, вѣрно, онъ видѣлъ лѣсовиху во время родовъ. Только счастливый человѣкъ можетъ видѣть лѣсовика и лѣсовиху одѣтыми въ хорошую одежду; если кто увидитъ лѣсовика въ дурной одеждѣ, не будетъ счастья. Мужчины, увидѣвъ лѣшевиху и услышавъ ея голосъ, начинаютъ скучать и худѣютъ.

Приспанные дѣти, по мнѣнію народа, не умираютъ, а ихъ уноситъ лѣсовой и кладетъ вмѣсто унесеннаго ребенка чур-

банъ или трупъ. Считается почему-то грѣхомъ колыхать пустую люльку—убаюкивать чорта. Говорятъ также: не тряси колѣномъ—не потѣшай чорта.

Слѣдуетъ избѣгать въ лѣсу лѣшаго и его кнута. Слѣды кнута лѣшаго остаются на травѣ и на грибахъ. За слѣды принимаются бороздки на поверхности грибовъ, оставленные слизнями. Поэтому, маленькихъ дѣтей, посылая за грибами, очень часто научаютъ не брать грибовъ съ трещинами и не ругаться, чтобы не случилось какого несчастья. Нехорошо также ступить на волчій слѣдъ. Волки, какъ и прочіе звѣри собачьей породы, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, расшаркиваются и, исполняя этотъ долгъ вѣжливости, сдираютъ съ почвы листья, оставляя при этомъ примѣтный слѣдъ на землѣ. Говорятъ: кто ступить на такой слѣдъ—заболѣетъ. Такъ про заболѣвшаго обыкновенно и говорятъ: онъ вступилъ въ „звѣринный серабъ“. Звѣриннымъ скрабомъ называется особая болѣзнь: по тѣлу появляются волдыри „кургона“; больной испытываетъ нестерпимый зудъ.

Кто перейдетъ слѣдъ лѣшаго,—или блудить, или заболѣваетъ ломотою. Нехорошо въ лѣсу говорить громко и браниться: лѣсовой этого не любитъ. Разъ мальчикъ ведетъ на ночлегъ лошадей и разговариваетъ громко, къ нему подходитъ какой-то почтенный старикъ (вѣрно лѣсовой) и строго замѣчаетъ мальчику, что онъ не у себя дома, чтобы онъ велъ себя потише.

Старый охотникъ Марко приказываетъ своимъ дѣтямъ входить въ лѣсъ съ слѣдующимъ присловьемъ: „лѣсъ влѣстнѣй, хозяинъ частнѣй! Господи, Боже, благослови въ лѣсъ войти и съ лѣсу выйдти“.

Лѣсовой сердитъ и иногда непрочъ бываетъ подраться. Одинъ крестьянинъ, блуждая по лѣсу, увидѣлъ около огня страннаго человѣка, котораго онъ принялъ за лѣсовика, лѣсовикъ оказался вспыльчивымъ и придирчивымъ, такъ что у встрѣтившихся завязалась драка. Незнакомецъ такъ ударилъ крестьянина по щекѣ, что тотъ пріѣхалъ домой со знакомъ и отъ испуга черезъ недѣлю умеръ. Но лѣсовой рѣдко вступаетъ въ открытую драку, а больше караетъ прогнѣвавшихъ его посѣтителей лѣса разными болѣзнями, ломотами, горячкою или такимъ помраченіемъ ума, отъ котораго человѣкъ блуждаетъ въ знакомомъ мѣстѣ. Для избавленія отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, надо молиться лѣсовымъ и власть имъ отнocy.

Къ лѣсовому же обращаются съ просьбой вернуть заблудившейся въ лѣсу скоть. Хозяинъ утраченнаго животнаго кладетъ на перекресткѣ десять яицъ, кусокъ сала, ковригу хлѣба и становится къ относу задомъ; знахарь очерчиваетъ его и закликаетъ духовъ разными голосами; послѣ чего хозяинъ, не оборачивая головы, возвращается назадъ домой. А весной, во время перваго выгона лошадей въ поле—на ночлегъ,—крестьяне молятся лѣсному царю о сохраненіи лошадей отъ звѣря и всякаго случая: „Лѣсъ честной, царь богатый и многомилостивый! Спаси моихъ лошадохъ въ полѣ, за полями, въ лѣсу, за лѣсами, гдѣ онѣ ходять, гуляють, росу выпивають,—тѣмъ онѣ сыты пребываютъ. Вотъ тебѣ, лѣсъ честной, хлѣбъ соль и нивній поклонъ“.

Лѣшій, или Честной Лѣса,—хозяинъ надъ всѣми звѣрями, а надъ волками по преимуществу. Волки—любимые звѣри лѣшаго. Въ народныхъ разсказахъ упоминается сивеньій старичекъ, съ предлинной бородой, пасущій волковъ. Этотъ старичекъ посылаетъ волковъ на скоть и для единоборства съ собаками; старичку неприятно, если собаки справляются съ волками: старикъ вступается за своихъ „собачекъ“ и убиваетъ ихъ противниковъ волшебнымъ прутьемъ.

Въ стадѣ волковъ, пасомыхъ старичкомъ, есть бѣлый, какъ снѣгъ, волкъ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ волками предводительствуетъ бѣлый волкъ—это лѣсовой, принявшій волчиный видъ.

По народному мнѣнію, чтобы волки не нападали, при встрѣчѣ съ волчинымъ стадомъ, надо обратиться къ волкамъ съ рѣчью, называя ихъ молодцами: „Здрастуйтя, мыладцы! идитя вы, мыладцы, свай дарогый, а я пайду свай!“ Волки тогда посторонятся и пойдуть, куда имъ нужно.

Въ Духовщинскомъ уѣздѣ полагають, что у волковъ есть свой хозяинъ—царь, бѣлый волкъ; по другому повѣрью, лѣсовой принимаетъ видъ бѣлаго волка. Если этотъ волкъ бросается на человѣка, то и всѣ волки на него бросаются и на оборотъ. При встрѣчѣ со стадомъ волковъ, нужно поклониться до земли бѣлому волку, и волки не сдѣлають никакого вреда. Одному крестьянину пришлось поздно ѣхать по лѣсу; вдругъ онъ видитъ огонекъ; подѣзжаетъ ближе—видитъ вокругъ огня цѣлое стадо волковъ, а надъ ними—хозяинъ лѣсовой. „Оставайся, мужичекъ, у насъ ночевать, сказалъ лѣсовой, все будетъ цѣло и сохранно“.—Мужичекъ поблагодарилъ на ласковомъ словѣ. Онъ зналъ, что перечить хуже.

Мужикъ дали мѣсто у огня, а лошадямъ сѣна и соломы.

Утромъ мужичекъ сталъ предлагать плату за ночлегъ.

„Мнѣ ничего не надо, возразилъ лѣсовникъ:—а вотъ моимъ волкамъ дай, что у тебя дома есть и чего тебѣ не жалко“.

Мужичекъ думалъ: „деревни моя далеко, и притомъ какъ же волки могутъ изъ хлѣва утащить корову—вѣдь теперь не лѣто: коровы не въ полѣ“. Черезъ нѣсколько дней прѣѣзжаетъ мужичекъ домой.

— Ну, что у васъ все благополучно?—спрашиваетъ у домашнихъ.

— Все-то все! да вотъ на другой день, какъ ты уѣхалъ, погнали на водопой коровъ, и нашу лучшую корову разорвали волки—никакъ отбить не могли...

Молятся о сохраненіи стадъ не одному „Честному лѣса“, но и св. Егорію, а также и царю—бѣлому или сѣрому волку.

Водяной дѣдушка.

Водяного простой народъ представляетъ или старымъ дѣдомъ, у котораго борода по колѣно, или же получеловѣкомъ, или полурыбой. Въ послѣднемъ случаѣ водяной называется „навной.“

Водяной можетъ превратиться въ какую угодно рыбу. Подъ водой у водяного есть великолѣпный дворецъ, изъ котораго онъ въ известное время дня и ночи выходитъ на дно рѣкъ и озеръ, и вѣсь въ какомъ нибудь омутѣ или вирѣ ожидаетъ добычи.

Спасать утопленника, т. е. отнимать добычу у водяного, боятся, дабы не разгнѣвить дѣдушку-водяного. Купающагося человѣка водяной часто хватаетъ за ноги и старается его залить.

Особенно опасно купаться и ловить рыбу, по мнѣнію крестьянъ, въ полдень и полночь. Залившихся дѣвицъ водяной обращаетъ въ русалокъ.

Иногда водяной живетъ подъ мельницей; если онъ захочетъ, можетъ воспрепятствовать постройкѣ мельницы. Одинъ помѣщикъ вздумалъ выстроить на Днѣпрѣ какую то особенную мельницу на плотяхъ. Сначала работа шла очень успѣшно, но вотъ, однажды, просыпается помѣщикъ какъ-то на варѣ и видитъ: по рѣкѣ, отъ лѣса, идетъ какой то высокой человѣкъ, весь въ бѣломъ; подходитъ довольно близко къ нему, да какъ ударить кнутомъ по плоту—гулъ пошелъ и шумъ кругомъ. Съ тѣхъ поръ пошли неудачи и постройка плотины осталась неоконченной.

Въ мѣстностяхъ болотистыхъ, по мнѣнію народа, водяной имѣетъ видъ горбатаго и бородатаго старика съ коровьими ногами и хвостомъ; не безопасно бродить по лѣсистому болоту во владѣніяхъ этого водяного. Этотъ водяной показывается людямъ, то въ водѣ, то близъ воды, въ видѣ сѣраго чудовища на четверенькахъ.

Водяные далеко отъ своего мѣстожителства не отходятъ, людей пугаютъ громкимъ хохотомъ и сильнымъ хлопаньемъ въ ладони; надъ заблудившимся они смѣются.

Русалки.

Русалки—молодыя, красивыя женщины, съ длинными до пятъ косами; живутъ онѣ въ лѣсахъ, болотахъ, но главное пребываніе русалокъ въ рѣчкѣ, въ какомъ нибудь глубокомъ омутѣ. На берегъ русалки выходятъ рѣдко, а если и вылѣзаютъ, то далеко отъ воды не отходятъ; онѣ заманиваютъ къ себѣ проходящихъ мимо мужчинъ, которыхъ больше всего прельщаютъ красотой и стараются защекотать. Отъ нечего дѣлать русалки подшучиваютъ надъ рыбаками, скручиваютъ ихъ сѣти, вытаскиваютъ порота на берегъ, въ неводахъ выворачиваютъ матню.

Русалки—души утопленницъ, мертворожденныхъ, или же дѣтей, умирающихъ некрещеными. До Духова дня онѣ живутъ въ водахъ; на Духовъ день русалки выходятъ изъ своихъ жилищъ и плещутся на поверхности воды. Тогда русалки могутъ заходить и далеко отъ мѣста своего обитанія, въ лѣса и рощи.

Цѣпляясь волосами за сучья и стволы, если эти деревья согнуты бурей, онѣ качаются какъ на качеляхъ, съ крикомъ: „ре-лі, ре-лі!“ или: „гутынькѣй, гутынькѣй!“

Заходятъ русалки въ поля и луга, заманивая прохожихъ поближе къ водѣ, чтобы потомъ ихъ утопить или защекотать до смерти. Во всякое мѣсто могутъ зайти русалки. Остерегаются купаться на Духовъ и Троицынъ день.

На Кривой недѣлѣ опасно ѣхать одному чрезъ засѣянное рожью поле: русалки могутъ напасть и замучить.

Русалокъ не трудно узнать издали: онѣ походятъ на женщинъ съ длинными распущенными волосами.

Чтобы избавиться отъ нихъ во время нападенія, нужно начертить на землѣ крестъ, который обвести кругомъ чертою; въ этомъ кругу и стать. Русалки тогда не подступятся; походить, походить около черты, а потомъ и спрячутся.

Въ одной изъ духовскихъ пѣсенъ дѣвушки просятъ бабушку очертить ихъ волшебнымъ кругомъ и обсыпать овсомъ и хмелемъ:

А ты, бабушка Купріяноўна,
Ты жъ обчарти насъ залатымъ нажомъ,
Ты жъ абсѣй насъ ярымъ аўсомъ

(с. Черешово Росл. у.).

Абсѣй-ка насъ ярымъ хмелемъ,
Абчарти насъ залатымъ нѣжомъ!

(С. Скотинино См. у.).

Бабка обводитъ чертою дѣвушекъ, находящихся въ кругу, со словами:

„Хто ў чартѣ—то *наши*.
За чартою—то *ми наши!*“

Русалки, по народному представленію, существа жалкія, нуждающіяся въ пищѣ и одеждѣ:

На кривой бярѣви
Русалка сядзѣла,
Рубацѣнкі прасила:
— „Дзвѣўки-маладухи,
Стойца, рубашку дайца:
Хушъ худу-худеньку,
Даць бялу-бяленьку.“

Существуетъ повѣрье, что на Духовской недѣлѣ ходятъ по лѣсу нагія женщины и дѣти; при встрѣчѣ съ ними нужно непременно набросить на нихъ платокъ или хоть какую нибудь трапичку. Если же ничего съ собою нѣтъ, то нужно хотя оторвать рукавъ отъ платья и кинуть русалкамъ—въ противномъ случаѣ угрожаетъ неизбежная смерть. Въ подтвержденіе послѣдняго рассказываютъ, что одинъ мужикъ, встрѣтивъ въ лѣсу нагихъ дѣтей, хотѣлъ убить ихъ, но чуть поднялъ руку, какъ его скорчило, и онъ умеръ на мѣстѣ.

Повѣрье относительно русалочьихъ дѣтей, нагихъ, жалкихъ, стонущихъ, весьма распространено. Крестьянка с. Данькова Фея Марковна мнѣ передавала слѣдующее:

„Я ѣхала черезъ лѣсъ со своимъ отцемъ; проѣзжая мимо одной большой ели, мы услышали жалкій стонъ, точно маленькія дѣти рыдали. Отецъ шепнулъ мнѣ на ухо:—„Это руса-

лочки дѣти плачутъ!“—Мы привыли мѣсто около ели платочкомъ, и плачь стихъ“.

Русалки принимаютъ участіе вмѣстѣ съ дѣвушками въ гаданіяхъ на Духовъ и Троицынъ день. Дѣвушки сплетаютъ себѣ вѣнки изъ живительныхъ и чародѣйственныхъ травъ: буковицы, полыни, любистика, черемухи и березы. На Духовъ день послѣ обѣда дѣвушки съ пѣснями и плясками завиваютъ вѣнки. Онѣ несутъ въ лѣсъ разные кушанья, между которыми непременно должна быть ячичница. Вѣнокъ остается завитымъ цѣлую недѣлю, впродолженіи которой къ нему не подходятъ изъ боязни, чтобы русалки, качающіяся не защекотали дерзкаго; если кому-либо встрѣтится крайность непременно идти неподалеку—отнюдь не долженъ видѣть то мѣсто, гдѣ этотъ вѣнокъ находится.

По окончаніи Русальной недѣли, въ первое воскресенье послѣ Духова дня, русалки оставляютъ вѣнокъ; пора ихъ наслажденій кончилась, и дѣвки ужъ безъ страха отправляются развивать его и раскумливаться. А до этого—

Хто вѣнокъ разаетъ,
Таго у ерюкъ сажеть;
Авалѣить батька,
Аслѣпнить матка.

На заговини дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду и загадываютъ о женихахъ. Дѣвушка, вѣнокъ которой тонетъ, по народному повѣрью, должна умереть; по другому повѣрью, печальная участь постигаетъ ея жениха:

„А ўси вѣнки паверьхъ вады,
А мой патануль;
А ўси дружкы съ вѣины пришли,
А майго дружка нѣтъ!“

Въ селѣ Прыщахъ Рославльскаго уѣзда дѣвушки старались затянуть въ воду мужчину и выкупать его, если тотъ случайно приходилъ къ водѣ, къ мѣсту дѣвичьяго гаданія. Обычай этотъ, возникшій какъ-бы въ подражаніе русалкамъ, давно уже прекратился.

„Разъ мы, передавала одна женщина, покупали писаря и надмочили у него за пазухой какую-то бумагу. Писарь насъ затыгалъ по судамъ, и мы бросили съ тѣхъ поръ купать мужчинъ.“

На Семизъ крестьяне поминуютъ утопленниковъ, удавленниковъ, вообще людей, скончавшихся скоростижно. Прежде н „проводъ“ такимъ умершимъ отпѣвали только въ этотъ день.

Мыть бѣлье на рѣчкѣ въ Семилѣ не принято въ угоду залившемуся, потому что, если не изъ близкихъ, такъ изъ дальнихъ родственниковъ кто-нибудь былъ утопленникомъ.

По мнѣнiю крестьянъ Ельнинскаго уѣзда, русалки произошли отъ приспанныхъ дѣтей „присыпушей,“ вмѣсто которыхъ хѣсовые владутъ чурбаны.

Одна крестьянка приспала нѣсколькихъ своихъ дѣтей и, чтобы не приспать послѣднюю дочь, не ложилась съ нею спать даже тогда, когда та стала взрослою дѣвушкою. Наконецъ, дочь, будучи уже замужемъ, прiѣхала въ гости къ своей матери, которая ей говоритъ:

„Дачушка, ни разу я съ тобою не спала; ляжемъ теперь поспать вмѣстѣ.“

Дочь согласилась; въ ту же ночь мать ее и приспала. После похоронъ мать была безутѣшна; разъ пошла она въ поле и слышитъ тамъ голосъ: „пойди на Благовѣщенье въ церковь и, когда запоютъ херувимскую пѣснь, стань въ притворѣ у дверей; въ это время будутъ выходить всѣ черти; между ними будетъ итти и твоя дочь. Ты пропусти всѣхъ чертей мимо, а дочь свою хватай и держи до тѣхъ поръ, пока выйдетъ священникъ и начнетъ ее отчитывать!“ Мать сдѣлала такъ и привела свою дочь невредимою.

По крестьянскому повѣрью, во время обѣдни „черти-приспальнички“ находятся въ церкви по лѣвую сторону алтаря. Когда священникъ, при пѣнiи херувимской пѣсни, отворяетъ царскiя врата, черти испытываютъ страшное мученiе и спѣшаютъ удалиться изъ храма, и, чтобы между присутствующими во храмѣ не спрятался чортъ, они должны въ это время стать на колѣни. Иногда и въ пропажѣ скотины бываютъ виноваты русалки. Погадаютъ дѣды и скажутъ, что для того, чтобы отыскать пропавшую скотину, нужно положить относъ русалкамъ. Относъ этотъ дѣлается такъ:

„Сплети лапти, сидя въ лѣсу на пнѣ; разорви новую женскую рубаху и сдѣлай изъ нея онучи, и, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, всё это заверни въ чистую тряпку, перевяжи красной лентой и отнеси на перекрестокъ въ лѣсъ. Тамъ, положивши всё это на какое нибудь дерево, поклонись до земли, не крестясь, на всѣ четыре стороны и говори:

„Прошу васъ, русалки,
Мой даръ примите,
А скотинку возвратите!“

Крестьяне увѣрены, что пропавшая скотина возвращается только благодаря подобнымъ относамъ.

По народному мнѣнію, русалку можно поймать и привести домой. Вотъ одна легенда: „Мой прадѣдъ, рассказываетъ крестьянинъ, пошелъ однажды на Русальной недѣлѣ въ лѣсъ лыжи драть; на него тамъ напали русалки, а онъ быстро начерталъ крестъ и сталъ на этотъ крестъ. Послѣ этого всѣ русалки отступили отъ него, только одна все еще приставала. Прадѣдъ мой схватилъ русалку за руку и втащилъ въ кругъ, поскорѣе набросивъ на нее крестъ, висѣвшій у него на шеѣ. Тогда русалка покорилась ему; послѣ этого онъ привелъ ее домой.

Жила русалка у прадѣда моего цѣлый годъ, охотно исполняла всѣ женскія работы; а какъ пришла слѣдующая Русальная недѣля, то русалка снова убѣжала въ лѣсъ. Пойманныя русалки, говорятъ, ѣдятъ мало—больше питаются паромъ и скоро безслѣдно исчезаютъ изъ человѣческаго жилища.

Русальная недѣля почитается крестьянами какъ праздникъ: во время этой недѣли крестьяне работаютъ по утрамъ, а съ полдня совсѣмъ ничего не дѣлаютъ. Всю недѣлю стараются избѣгать слѣдующихъ работъ: не пахутъ, не сѣютъ, не вьютъ веревокъ, не вяжутъ боронъ, не прядутъ, не городятъ изгородей. По повѣрію крестьянъ, кто будетъ пахать въ эту недѣлю, у того скотъ будетъ падать; кто будетъ сѣять, у того градомъ побьетъ хлѣбъ; кто будетъ прядь шерсть, у того овцы будутъ кружиться; кто будетъ городить изгородь, вить веревки, вязать бороны, тотъ зачахнетъ, и согнетъ того въ дугу.

Дѣти лицъ, нарушившихъ Русальную или Кривую недѣлю, родятся уродами; приплодъ скота у этихъ хозяевъ бываетъ ненормальный. Мальчики работали на русальной недѣлѣ; вдругъ пришла русалка и зацепотала ихъ до смерти. На Русальной недѣлѣ не пускаютъ дѣтей бродить около воды.

В. Добровольскій.